

Л.В. Титова

Институт истории СО РАН, Новосибирск

**Тексты агиографического характера
в старообрядческих полемических сочинениях XVII в.***

Аннотация: В статье на материале сочинений идеологов раннего старообрядчества протопопа Аввакума и дьякона Федора Иванова дается анализ текстов агиографического характера и определяется их функциональное назначение в агитационных публицистических произведениях этих авторов.

Based on the works by the ideologists of the early Old Belief archpriest Avvakum and deacon Fedor Ivanov, the present paper analyzes the texts of autobiographical character and determined their function in the propagandistic publicistic works of these authors.

Ключевые слова: старообрядческая публицистика, полемические сочинения, агиографические элементы, житие, антижитие.

Old Believers' publicistic literature (works), polemic works, autobiographical elements, vita.

УДК: 821.161.1

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИИ СО РАН, сектор археографии и источниковедения. Тел. (383) 3303671.

Как известно в XVII веке значительно возрастает роль биографического повествования в связи с развитием личного начала в демократической литературе. Не только и не столько это касается своеобразия житийных памятников, созданных в XVII веке (хотя это основной вид творчества, где интерес к человеческой личности, ее ценности проявился с наибольшей полнотой), но и вся старообрядческая публицистика буквально пронизана личностным началом. Она многообразна по своей жанровой структуре, сюда следует отнести и Слова, и беседы, и послания и мн. др. Эпистолярные тексты наиболее ярко демонстрируют высокий уровень самопознания, самооценки и эмоциональной оценки окружающего мира, который был присущ в это время духовной культуре русского общества.

В своем сообщении мне хотелось бы остановиться на одном из аспектов старообрядческой публицистики – включении в агитационные тексты идеологов раннего старообрядчества автобиографических и биографических зарисовок их «содружиев», единомышленников, защитников «старой веры». Нагляднее всего биографическое изложение выразилось в произведениях протопопа Аввакума, причем не только в его Житии, но и в других его сочинениях: словах, посланиях единомышленникам и семье, челобитных царю Алексею Михайловичу (особенно в Первой и Пятой). Основное назначение агиографических текстов, особенно после Собора 1666–1667 гг., укрепить духом единомышленников, помочь выстоять в эти «плачевные», последние времена истинным борцам за православие. С этой целью Аввакум пишет не только собственную биографию, но и биографии своих

* Статья написана при содействии гранта Президента РФ для поддержки ведущих научных школ (НШ – 2318.2012.6).

современников, он опирается на их жизненный опыт, стремясь показать образы стойких борцов за свои убеждения, показать личный подвиг каждого защитника «старой веры». Глубокий гуманистический смысл пронизывает все сочинения огненального протопопа, но особенно это проявилось в жизнеописании Феодосии Морозовой. Он неоднократно обращался к написанию жития-биографии Ф. Морозовой¹ – в «Книге бесед» (беседа первая), в «Послании Ф.П. Морозовой, Е.П. Урусовой и М.Г. Даниловой» и в «Слове плачевном». Н.С. Демкова обратила внимание на одно существенное обстоятельство, что эти произведения, ориентированные в описании образа положительной героини на традиционный агиографический жанр, содержат много биографических подробностей, представляют собой своеобразное биографическое повествование (особенно Слово!). «Создавая образ боярыни Морозовой в “Слове плачевном” Аввакум шел по пути более традиционного повествования. В связи с темой личного подвига Ф.П. Морозовой Аввакум стремился создать законченное житийное произведение с идеальной житийной героиней в центре, полностью используя средства житийной литературы для такого образа» [Демкова, 1998, с. 202]. Безусловно, этот текст создавался как агитационный, Аввакум стремился затронуть душевные струны читателя, увеличить число последователей в борьбе за «старую веру».

В Послании сыну Максиму дьякон Федор также помещает яркие биографические зарисовки борцов за истинное православие. Как и Аввакуму, Федору важно было не только поделиться своим жизненным опытом и убедить единомышленников твердо стоять за свои убеждения (как и они, пустозерские узники), но и создать портретную галерею современников, мучеников и страдальцев за веру, тех, кто не предал истинного, «неисказенного» христианского вероучения (Спиридон Потемкин, Павел Коломенский, Иоанн Неронов и др.), а также и обличить «еретиков», никониан. С этой целью, пользуясь стилистической формулой антитезы, он помещает рядом в Послании жизнеописание своего идейного вдохновителя и учителя Спиридона Потемкина и псевдожитие, антижитие правящего патриарха Иоакима, демонстрируя несовместимость масштабности личностей, оппозицию высокой нравственности и беспринципности.

Страницы биографии Спиридона выписаны тщательно, с ориентацией на житийный канон. В центре жизнеописания идеальный житийный герой (также как и у Аввакума), борец за свои убеждения, требующий у царя созыва собора для рассмотрения неправомерности Никоновой реформы. Прежде всего заметим, что Федором соблюдена трехчастная композиция (структура), свойственная памятникам агиографического содержания. Первая часть, как правило, это риторическое вступление, самоуничижительная характеристика автора жития и торжественная похвала, прославление достоинств главного героя повествования (святого)²; основная часть (вторая) – описание основных жизненных вех святого: начинается она типично с сообщения о родителях, месте рождения, обучении, далее следует рассказ о главных подвигах святого и завершается сообщением о смерти. Наконец, третья часть – описание чудес святого, как прижизненных, так и посмертных. В нашем случае, последовательность этих частей безусловно сохранена: во вступлении автор дает характеристику главных достоинств личности, прославляя именно те качества, которые необходимы борцу за истинность вероучения, заповеданного святыми отцами, богатые книжные познания, ум, мудрость («...старец честен и боголюбив зело, и премудр, и писанию святых книг искусен, умея бо сам

¹ Особо следует отметить, что для Аввакума подвиг Морозовой – подвиг женщины, чье главное предназначение – дом и семья, но тем и значимее ее подвиг и страдание: «Егда же время приспе – пишет он в Послании Ф.П. Морозовой, Е.П. Урусовой и М.Г. Даниловой, – женскую немощь отложше, мужескую мудрость восприемше, и на муки пошла, Христа ради мучитися» [Житие, 1979, с. 234].

² В 2000 г. имя Спиридона было внесено в календарь РПСЦ. Память 2 ноября.

греческий и латинский язык до конца и польский, и ученый бе человек, и вси дни живота своего над книгами просидел...» [Титова, 2003, с. 210]¹), высокие нравственные устои («...и вина и секира, сиречь всякаго пиянственнаго пития, отнюдь не пия от юности...» (с. 210)).

Во второй части повествования дьякон Федор останавливается на самых значимых эпизодах из жизни Спиридона, «великого поборника церковного благочестия». Также как и Аввакум, дьякон Федор выписывает идеальный образ героя в соответствии с общим замыслом создаваемого им публицистического текста, направленного на обличение «еретиков», последователей Никоновой церковной реформы, в защиту борцов за «старую веру», оказавших энергичное сопротивление «силам зла».

В противоположность патриарху Иоакиму, который, по словам Федора, «не знал писания, разве азбуки, и книг святых не прошлец и не читатель» (с. 208), Спиридон «боголюбив зело, и премудр, и писанию святых книг искусен вельми бе, умея бо сам греческий и латинский язык до конца и польский, и ученый бе человек, и вся дни живота своего над книгами просидел... И звал его царь на митрополию в Новьград», но Спиридон «не порадовашеся чести и славе... обещанной, не как оный окаянный Яким, келарь бывший, человекоугодник и блюдолиз» (с. 210)².

Дьякон Федор и здесь, строя свое повествование на контрастности образов, достигает желаемого результата – убедительно и ярко показать не только, каков он, глава церкви, но каким должен быть на самом деле представитель высшей духовной власти. Именно со Спиридоном Потемкиным, его авторитетом «мужа ученого», связывал дьякон Федор до собора 1666 г. свои надежды на перемены в ходе Никоновой реформы. По его словам, Спиридон Потемкин требовал от Алексея Михайловича созыва собора, царь же обещал, но тянул, «ждуше смерти его, понеже ведуще его мужа мудра, и всякому нечестию обличителя велика, и за новья книги никто же может противу его стояти...» (с. 210).

Очень важно отметить, что биография Спиридона, написанная дьяконом Федором, воспринималась как современниками Аввакума и Федора, так и их сторонниками в XVIII и XIX вв. как его Житие: в рукописях оно встречается в виде отдельного, самостоятельного текста, так и озаглавленного «Житие Спиридона Потемкина»³.

Защищая борцов за истинное православие, Федор на страницах своего Послания развенчивает мнимые (с его точки зрения, да и его сторонников) авторитеты. С этой целью он пишет псевдобиографию патриарха Иоакима, яркого против-

¹ Указание на страницы публикации даются в тексте в круглых скобках.

² И чтобы портрет Спиридона Потемкина был полным, приведу еще одну характеристику, которую дал ему Федор в своем Послании Ивану Аввакумовичу: «А богомудраго старца Спиридона преподобнаго слова, писанныя на еретики, приемлите, как и прочих богословцев святых: Григория, Василия и Дамаскина Иоанна и иных, – той же истинный Параклит (Святой Дух) глагола в нем. Отец Спиридоний и пророк бысть: что он глаголал про собор отступничий, так и збыться все. И на мне его пророчество збыться, не едино что, преставляяся, глаголаше мне. Чюден муж бысть словом и делом, и в премудрости инаго такового ныне несть» [Материалы, 1881, с. 78–79]. Следует отметить, что жизнеописание Спиридона из Послания дьякона Федора, дополненное приведенными сведениями о нем в Послании сыну протопопа Аввакума Иоанну, логически завершают каноническую форму жития, здесь не чудеса, а сбывшиеся пророчества Спиридона, что вполне можно приравнять чуду. Уместно заметить, что Федор в этом тексте упоминает о предсмертной беседе со своим учителем и о его предсказании, вероятно, о дальнейшей судьбе Федора: «И на мне его пророчество збыться, не едино, что преставляяся, глаголаше мне...» [Там же, с. 78–79].

³ См. к примеру, ГИМ, собр. Хлудова, № 351, л. 141: Житие Спиридона отца Потемкина. Кстати, более подробных сведений о жизни Спиридона Потемкина в старообрядческой литературе нет.

ника староверия, в вину которому он вменял и первую и вторую казни пустозерских узников. Это собственно краткое антижитие. Дьякон Федор структурно как бы следует за схемой канонических житий, отражая самые важные, на его взгляд, этапы жизни своего антигероя, используя при этом многочисленные «слухи и толки», компрометирующие патриарха Иоакима:

«Быв убо он, холоп царев, служивой ростовских мелких дворян Савеловых рода, – начинает свое канонически выдержанное жизнеописание патриарха Иоакима дьякон Федор – и бывшу ему на службе под Киевом, и жена же ево без нево начат прелюбодействовати явно з блудниками. Тамо же в полку товарищи его начаша кошуняти над ним, глаголюше, яко жена твоя удавит тя, аще приидеши в дом свой к ней, зане ины мужи имат лучши тебе. Он же, не хотя служите царю своему и стыда ради того, тайно отыде тамо в Печерской монастырь и пострижесе, занеже ведая, яко на Москве и во иных знакомых местех не постригают здоровых служивых людей по царской заповеди. Сего ради тамо пострижесе... <...> И бояся... абы не растригли ...нырнул к Никону в Новый его бесовский Еросалим, и тут почал учиться грамоте... а до того не знал он писания, разве азбуки, ни церкви, ни чина церковнаго, не разумел догмат святых отец наших древних, и ныне не знает, занеже не того ищет и книг святых не прошлец и не читатель, понеже бо человек был служивой, и жил в глухой деревни, и зайцы ловил, а у церкви в реткой Велик день бывал» (с. 208).

И далее, описывая поставление Иоакима в архимандриты Чюдова монастыря¹, Федор еще более усиливает отрицательную характеристику своего идейного врага, изображая его беспринципным, расчетливым карьеристом, с готовностью угождающим властьпридержащим, вопреки совести, чести и вере. Описывая поставление Иоакима в архимандриты Чюдова монастыря, дьякон Федор пишет: «И посем того Якима учинили казначеем в Симонове монастыре, и помале привели его в келари к Спасу на Новое. Тут же живе у Спаса отец Феодора Ртищева, Михаил Алексеевич, по обещанию. Келарь же Яким начат Псалтырь твердить, начаяся игуменом быть помале; Михаил же Ртищев, слыша от слуг, ту сущих, часто Псалтырь в руку его держаща и чая его молитвенника быти велика, и царю похвали его. И сам он, Яким, всегда являшесе пред царем во всяких ходах и походах и валяся пред ногама его. Царь же разуме его угодна быти себе и приказа его испытати оному Михаилу Ртищеву, котория он держится веры – старья или новья. Михаил же исповеда его тамо у себе о всем же. Яким же сказа ему: “Аз-де, государь, не знаю ни старья веры, ни новья, но еже что велят начальницы, то и готов творити и слушати их во всем”. И Михаил се к царю возвести. И посем поставил его в Чудов монастырь архимаритом на Павлово место, – пришел вор на вора, а вси на Бога...» (с. 208–209).

Сравним теперь отдельные фрагменты антижития патриарха с официальным Житием Иоакима, написанным вскоре после его смерти Игнатием Римским-Корсаковым: «Иоаким, патриарх всероссийский, бяше Российския земли, рождение име во граде Можайске от благочестивых и православных родителей: отца, именованна Петра, Иоаннова сына, по реклу Савеловых ...Родиста же сего отрока, и нарекоста Иоанн, тако бо бысть прежде имя его, в лето 7129 году ианнуария в шестой день, в праздник святаго Богоявления во время всеошнаго бдения, в самый благовест. По времени же крестиша его святым крещением. И егда приспе время, вдаша его в научение грамоте. И Божию благодатию изучися чтению книг святых. Пришедшу же ему в совершенный возраст, отец и мати его припрягоша ему супругу, именованну Евфимию, такожде от благочестивых родителей рожденну и воспитанну. И четверем детищем отец бысть. Потом же и в воинский чин вчинися, и послан бысть противу супостат в Киевския страны в лето 7160. Слышано бысть

¹ Собственно поставлением Иоакима в архимандриты Чюдова монастыря и ограничивается антижитие дьякона Федора.

ему, яко супруга его и возлюбленная чада преставишася. Он же, Иоанн, попрежнему благодарив Господа Бога, свободившаго его от такового попечения, и возлюби желателно иноческое житие. И оставляет воинственная, и прииде во един от киевских монастырей, зовомый Межигорский... Поставлену же бывшу архимандриту Павлу на престол Сарский и Падонский в митрополиты, тогда и господин Иоаким во архимандриты Чюдову монастыря произведен. И порадовашеся благочестивейший государь и вси полатии, но и братия монастыря того о таком настоятеле...»¹.

Результаты сопоставления текстов официального Жития Иоакима (6.I.1621–17.III.1690) и сатирической версии, составленной дьяконом Федором на основе полуфантастических устных рассказов, распространявшихся еще при жизни патриарха Иоакима показывают, что реальные факты из жизни Иоакима умело перемежаются легендарными, дополненными едкими характеристиками самого автора, дьякона Федора и таким образом создается антижитие правящего патриарха, являющееся полной противоположностью житию. Создается оно Федором с единственной целью – обличить ярого противника защитников «старого обряда», дискредитировать его в глазах современников. Несмотря на то, что основу антижития составляют вымышленные, легендарные источники, автор придает им статус достоверности, сообщая следующее: «И о сем сказа нам сотник Андрей Курянов – на карауле стоял у нас, и на службе бывал с ним» (Иоакимом – *Л.Т.*) (с. 208) и в другой раз, свидетельство о поставлении Иоакима в архимандриты он сопровождает ремаркой: «Аз бо грешный дьякон Феодор, всему тому самозритель» (с. 209). Безусловно, устные легенды, «слухи и толки» воспринимались старообрядческими полемистами, откровенным вымыслом, который они осознанно использовали в сочинениях для достижения своих публицистических целей.

Стремясь к непосредственной убедительности, идеологи раннего старообрядчества создавали автобиографические, биографические и даже псевдобиографические полотна и встраивали их в свои типично агитационные тексты. Во многом это объясняется тем, что они стремились обличить, показать истинное лицо «предателей» «отеческих заповедей» и укрепить, поддержать приверженцев старой веры, истинного христианского вероучения.

Факт использования житийных элементов (в разном объеме) в создании положительных героев и антижитийных – в обрисовке отрицательных образов², бесспорно, очень важен для старообрядческой публицистики.

Литература

Демкова Н.С. Сочинения Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества. СПб., 1998.

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979.

¹ Житие Иоакима цитируется по последней публикации списка Шаховского (РГБ, собр. Троицко-Сергиевой лавры, № 14), изданного Т.В. Панич [Панич, 2010 с. 68, 74]; об Иоакиме и его Житии см. также словарные статьи: [Зиборов, 1993, с. 53–57; Каган, 1992, с. 251–255].

² Это касается не только антижития патриарха Иоакима. У Федора особенно ярко выписаны отрицательные персонажи: см. о поставлении Симона, игумена Александровского «во архиепископы на Вологду» (с. 209), о продажности греческих патриархов Макария Антиохийского и Паисия Александрийского (с. 216–217), о «злой кончине отступников»: царя Алексея Михайловича, Илариона, архиепископа Рязанского, Лаврентия, архиепископа Казанского и др. (с. 209, 216–221). Естественно, наибольшее внимание в «Ответе православных» уделит дьякон Федор негативной характеристике патриарха Никона «волка, и хищника, и богоотметника» (с. 297–302).

Зиборов В.К. Иоаким. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3: XVII в. Ч. 2. С. 53–57.

Каган М.Д. Житие Иоакима патриарха // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3: XVII в. Ч. 1. С. 251–255.

Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1881. Т. 6.

Панич Т.В. Житие патриарха Иоакима (вопросы атрибуции, истории текста и литературной специфики памятника) // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XVI–XXI вв. Новосибирск, 2010.

Титова Л.В. Послание дьякона Федора сыну Максиму – литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003.